

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

А. В. СМИРНОВ

ЛОГИКА СМЫСЛА

ТЕОРИЯ И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К АНАЛИЗУ КЛАССИЧЕСКОЙ АРАБСКОЙ
ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 87.3(0)
С 50

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект 00-06-87011

Смирнов А. В.

С 50 **Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры.** — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 504 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-94457-004-0

Исчислим ли смысл? Все, что появляется на поверхности нашего сознания, представляет собой осмысленность. Поддается ли ее возникновение логически упорядоченному и связному описанию? Вариативны ли стратегии формирования смысла, и если да, что означает такая вариативность для представления об универсальности разума? Может ли «смысл» стать объектом научного описания или его фундаментальная субъективность не будет преодолена? Таковы основные вопросы, поднятые в этой книге. Их обсуждение потребовало обращения к аналитической философии, лингвистике и философии языка, теориям культуры и цивилизации и другим направлениям современной мысли. Поставленные проблемы решаются методом сравнительного анализа на материале обыденного и теоретического мышления классической арабской культуры, а их рассмотрение доведено до уровня базовых интуиций, делающих возможным возникновение осмысленности. Результатом стала формулировка оснований логики смысла — теории, объясняющей закономерности формирования смысловых структур.

ББК 87.3(0)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-004-0

9 785944 570048 >

© А. В. Смирнов, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие	15
Введение	18
Глава I. Основные понятия, описывающие процедуры формирования смысла	59
§ 1. Существуют ли процедуры смыслополагания?	61
1.1. Предсказание астролога и его толкование: «наше» понимание.....	61
1.1.1. Предсказание.....	61
1.1.2. Первое сомнение в оправданности «нашего» понимания	63
1.1.3. Понимание как процедура	64
1.1.3.1. В чем состоит процедура смыслополагания	66
1.1.3.2. Процедура и содержательность смысла	67
1.1.3.3. Переход процедурного аспекта в содержательный.....	68
1.1.4. Возможна ли альтернативная процедура понимания?	71
1.2. Предсказание астролога и его толкование: альтернативное понимание	75
1.2.1. Описание логико-смысловой конфигурации	75
1.2.1.1. Иллюстрация	75
1.2.1.2. Первые два члена логико-смысловой конфигурации.....	76
1.2.1.3. Различение прямого и переносного значений в зависимости от процедуры смыслополагания	77
1.2.1.4. Уточнение третьего члена логико-смысловой конфигурации.....	79
1.2.1.5. Описание логико-смысловой конфигурации в собственных терминах арабской теоретической мысли	81
1.2.2. Составляют ли «явное-скрытое» собственную и несводимую к инокультурным аналогам терминологическую пару?.....	82

1.2.2.1. «Явное-скрытое» в отношении к истине.....	84
1.2.2.2. «Явное-скрытое» и «явление-сущность»: мнимая аналогия	85
1.2.3. «Утверждаемое» как взаимный перевод «явного» и «скрытого»	89
1.2.4. О процедурной предопределенности смыслового содержания	90
1.2.5. Первое определение понятия «смысл»	91
1.2.6. Зависимость смысла от процедур смыслополагания: несколько теоретических положений	91
§ 2. Некоторые импликации логико-смысловой теории	92
2.1. Понятие «смысл» и традиционная семантика	93
2.1.1. Означающее, означаемое и смысл	93
2.1.2. Репрезентационная теория и логика смысла	95
2.1.2.1. Как связаны «глубинные» и «поверхностные» структуры языка, или может ли репрезентационная теория объяснить два разных понимания предсказания астролога	95
2.1.2.2. Глубинные структуры и смысл, или как можно мыслить единство языковой способности человека	97
2.1.2.3. «Да/нет»-дихотомия и связка «быть»: оправданы ли допущения репрезентационных теорий	101
2.1.3. Оправдана ли парадигма «знак-означаемое»?.....	103
2.1.4. Словарный аргумент	105
2.1.4.1. Семантические свойства слов как производные от процедур смыслополагания	109
2.2. Логико-смысловая и семантическая эквивалентность: проблемы предикации и перевода	110
2.2.1. «Между водой и глиной» в двух логиках смысла	110
2.2.1.1. «Наше» понимание слова «между»: синтетическое суждение	110
2.2.1.2. Словарный аргумент для «между»: аналитическое суждение	111
2.2.1.3. Понимание «между» в альтернативной логике смысла	112
2.2.2. Анализ межъязыкового перевода	114
2.2.2.1. Понятие «то же иначе»	115
2.2.2.2. Синтетические и аналитические высказывания в разных логиках смысла	117

Трактовка правильности перевода как субстанциально-смысловая эквивалентности: точка зрения традиционной семантики.....	118
2.2.2.3. Логико-смысловая эквивалентность как «то же иначе»	120
Описание межязыкового перевода как трансляции логико-смысловых конфигураций.....	121
О формализации трансляции	122
Отличие трансляционной идентичности от пирсовского понимания значения.....	122
2.2.3. Совпадают ли логико-смысловая и семантическая эквивалентности, или философские основания логики смысла.....	123
2.3. Смысл и смысловой континуум	133
2.3.1. Возможна ли референция к простому объекту?	134
2.3.2. Как складывается смысл целостного высказывания, или достаточно ли понятий лексического и грамматического значения для описания смысла?	138
2.3.3. Интуиция пространственно-временных отношений как предельное основание осмысленности	145
2.3.4. Почему неудачен «словарный аргумент»: предельные интуиции смыслополагания не могут быть отражены как значения	147
2.3.5. Взаимная инаковость пространственно-временных интуиций, влекомых «тем же» значением слова в разных логиках смысла	148
2.3.6. Общий недостаток современных словарей значений	149
2.3.7. Влияние неосознанности предельного основания смыслополагания на отчетливость любого рассуждения.....	150
2.3.8. Недостаточность философского анализа, не учитывающего процедурную обусловленность содержания категорий.....	151
2.3.9. Параллельность формальных логик как отражение параллельности логик смысла.....	153
2.3.10. Невозможность простоты объекта как следствие параллельности логик смысла	157
2.3.11. Сомнение в формальном характере понятий пространства и времени и в формальном характере формальной логики	157
2.3.12. Ощущение, понятие и смысл	158
2.3.13. Понятие смыслового континуума и перевод.....	160
2.4. Независимость процедур смыслополагания от отражающих их слов	166
2.4.1. Уточнение метода контрастного понимания	166

2.4.2. «Вода и глина»	169
2.4.2.1. Ночь предопределения	169
2.4.2.2. Рай для избранных	174
2.4.3. Переводимость «явное-скрытое»	176
2.5. Как строить сравнительные исследования и как понимать разнообразие сравниваемого, или еще раз по поводу старого вопроса о том, «что такое философия?»	178
2.6. Определенность содержания вербальных структур логикой смысла	184
Глава II. Ключевые реализации логико-смысловой конфигурации в средневековой арабской философии	187
§ 1. Конфигурация «утвержденность/существование- несуществование»	190
1.1. Общие положения	193
1.1.1. Рефлексивное рассмотрение логико-смысловой конфигурации: возникновение понятий <i>a priori</i> как ее описание	193
1.1.2. То же <i>a posteriori</i>	197
1.1.3. Контраст с привычными интуициями теории множеств	205
1.1.4. Закон исключенного третьего, или импликации логики смысла для выработки аксиом формальной логики	208
1.1.5. Логико-смысловая определенность отношений тождества, противоположности, единства и множественности. Описание логико-смысловой конфигурации как экспликация этих отношений	211
1.1.6. Мышление и его словесное выражение в их определенности логикой смысла	213
1.2. Вопрос о связке	214
1.2.1. Связка в арабском языкознании	214
1.2.2. Связка в арабском перипатетизме и ишракизме	223
1.2.3. Отрицательная связка в арабском языкознании, перипатетизме и ишракизме	226
1.3. Связка в арабском в ее существенном отличии от «быть»	232
1.3.1. Случайна ли именная форма связки в арабском?	235
1.3.1.1. Интерпретация связок <i>хува</i> «он» и <i>лайса</i> [<i>хува</i>] «не [он]» как выражающих идею «бытия»: контраст с пониманием структуры фраз в арабском языкознании	236
1.3.1.2. Контраст двух лингвистических традиций и его содержательные импликации	239
1.3.1.3. Возможен ли выбор между двумя контрастирующими теориями?	245

1.3.2. Эвристические возможности логики смысла.....	247
1.3.2.1. Интерпретация различия двух типов арабской фразы как двух реализаций логико-смысловой конфигурации.....	248
1.3.2.2. Связка «быть» и логико-смысловой аргумент.....	253
1.3.2.3. Необходим ли эксплицитный учет логики смысла для адекватного отражения инокультурной теории?	254
1.3.2.4. Какой может быть минимальная грамматика?.....	261
1.4. Термин «оношь» как абстрактное выражение связки	263
1.4.1. Калам	264
1.4.2. Арабский перипатетизм.....	267
1.4.3. Ал-Кирмāнй	271
1.4.3.1. Термин «оношь» как таковой	271
1.4.3.2. «Оношь» в отношении к <i>kāna</i> «быть- возникать» и характер последнего	278
1.4.3.3. «Оношь» в соотношении с «существованием»	280
1.4.3.4. Импликации для понимания предикации.....	286
1.4.4. Ибн 'Арабй	289
1.4.5. Связь логики смысла с постановкой и развитием философской проблематики.....	292
1.5. Императивность логики смысла: мнения оппонентов независимого статуса понятия «утвержденность»	293
1.5.1. Гипотеза объективности логики смысла и возможность ее проверки.....	293
1.5.2. Мутазилизм.....	295
1.5.2.1. Варианты взглядов	295
1.5.2.2. Логико-смысловая систематизация философских доктрин	303
1.5.2.3. Еще раз о полисемантической и ее зависимости от логики смысла	308
1.5.2.4. Что такое объективность логики смысла	309
1.5.2.5. Формирование смыслового содержания процедурой смыслополагания.....	310
1.5.2.6. Определенность логикой смысла дискуссии о статусе «утвержденности».....	311
1.5.3. Ашаризм	313
1.5.4. Ас-Сухравардй	317
1.5.4.1. Критика «утвержденности» с точки зрения нормативного аристотелизма.....	317
1.5.4.2. «Утвержденность» и собственная категориальная система ас-Сухравардй.....	329

1.6. «Возможное» арабских перипатетиков: развитие понятия в русле той же логики смысла.....	332
1.6.1. Разработка понятия «возможное» Ибн Сйной	333
1.6.2. «Возможность» и «утвержденность».....	340
1.6.3. «Возможность» и «существование-несуществование»	342
1.6.4. Импликации для понимания причинности	343
1.7. Понятия «утвержденность» и «возможное» в философии суфизма и ответ оппонентам	345
1.8. Логика смысла, язык и мышление	358
1.8.1. Язык и мышление: ложное представление о прямой взаимообусловленности.....	358
1.8.2. Что и как видят друг в друге философские традиции, построенные на разных логиках смысла	362
§ 2. Конфигурация «действие/действующее-претерпевающее»	364
2.1. Языковое оформление и понятийная роль категорий «действие», «действующее», «претерпевающее»	365
2.2. Калам: вопрос о единстве и множественности	370
2.2.1. Позиция мутазилитов (1).....	370
2.2.2. Логико-смысловые основания философской дискуссии.....	372
2.2.2.1. Проблема предикации.....	372
2.2.2.2. Интерпретация с точки зрения строения логико-смысловой конфигурации.....	373
2.2.3. Суть философской дискуссии с точки зрения логики смысла.....	374
2.2.4. Комплексность логико-смысловой проблематики. Предикация и проблема определения аналитических-синтетических высказываний	375
2.2.5. Позиция мутазилитов (2).....	376
2.2.5.1. «Претерпевающее» и его место в логико-смысловой конфигурации.....	376
2.2.5.2. Логико-смысловая интерпретация вариантов позиций мутазилитов	377
2.3. Суфизм	381
2.3.1. Роль конфигурации «действие/действующее-претерпевающее» в задании способа осмысления философских проблем.....	382
2.3.2. Понимание единства.....	383
2.3.2.1. Единство как перевод явное \Leftrightarrow скрытое.....	385
2.3.2.2. Содержательный аспект философской доктрины как следствие процедурного.....	386

2.3.3. О совпадении, или выразимо ли существо процедуры смыслополагания дискурсивно?	389
2.3.4. Логико-смысловое объяснение контраста с западной традицией в понимании проблемы единства	390
Глава III. Интуиция, лежащая в основании процедур смыслополагания	395
§ 1. Основание осознания логико-смысловых отношений: интуиция или понятие?	397
§ 2. Объяснима ли конечная интуиция понимания как схватывание субстанциальных смыслов?	398
§ 3. Характер интуиции, признаваемой логико-смысловой теорией	399
3.1. Смысловая атомарность и возможность референции к простому объекту (первый набросок вопроса).....	400
3.1.1. «Факт» и «вещь»: формулировка вопроса в ракурсе проблематики аналитической философии	401
3.1.2. Язык и метаязык, язык и мышление	402
3.2. Решающие основания понимания и объективность внешнего мира (два аспекта вопроса)	406
3.2.1. Референция к внешнему объекту и решающие основания понимания: окончательная формулировка вопроса, позволяющая применить метод контрастного понимания	408
3.2.2. Проверка универсалистского ответа методом контрастного понимания	408
3.3. Интуиция пространственно-временных отношений как предельное условие понимания	413
3.3.1. Трактовка «и» как объединения двух множеств	415
3.3.2. Попытка отразить действие альтернативного «и»	416
3.3.3. Зависит ли результат соположения двух множеств от логико-смысловых отношений?	417
3.3.3.1. Объединение и пересечение как два значения «и» в традиционной теории множеств	417
3.3.3.2. Отражает ли пересечение двух множеств интуиции контрастирующего понимания?	418
3.3.3.3. Условия адекватной интерпретации альтернативного «и» как объединения, а не пересечения двух множеств	422
Построение объясняющей гипотезы	422
Начала метаязыка описания альтернативных условий понимания	424
3.3.4. Адекватное понимание объединения двух множеств в альтернативной логике смысла	426

3.3.4.1. набросок теоретического описания	427
Неизменность и смена	427
Семантический скачок и временные отношения	428
3.3.4.2. Логико-смысловое объяснение контраста пониманий	429
3.3.4.3. Различение формального и содержательного с точки зрения логико-смысловой теории	431
3.3.4.4. Понимание единичного и взаимное отображение логик смысла	432
3.3.4.5. Истинность, объективность, единственность с точки зрения логики смысла	435
§ 4. Условия очевидности как иное выражение логико- смысловых оснований понимания: доказательство наличия интуиций смыслополагания	439
§ 5. Подведение итогов	446
Заключение	450
Библиографический словарь	459
Предметный указатель	470
Указатель имен	476
Указатель арабских терминов и словосочетаний	479
Литература	487
Иллюстрации	493
Summary	494

Предисловие

...Смысла нет — ни в смысле, ни в бессмыслице, есть лишь Бес Смыслие, мой старый знакомый, вышедший в тираж и даже не добравший документов для получения пенсии.

В. Аксенов. Золотая наша Железка

Этот эпиграф, как всякая нужная вещь, долго не дававшаяся в руки, пока ее искали, а потом сама обнаружившая себя, когда настоятельная потребность в ней вроде бы отпала, — нашелся сам собой. И пришлось кстати. Слова писателя часто говорят больше, чем кажется. Так и здесь. Не одержимы ли мы, или по крайней мере некоторые из нас, бесом по имени «Смыслие», и не ищем ли мы смысл там, где его *нет*? Или же само это выражение *бессмысленно*, и всё, в том числе и бессмыслица, имеется только потому, что оно — осмысленно? Что такое *смысл*: функция вещей или условие их возможности? И не есть ли поиск смысла — погоня за призраком, ускользающим каждый раз именно перед тем, как мы готовы окончательно поймать его, просто потому, что мы ловим его — им же самим?

Принято считать, что смысл слов конвенционален. Он, иначе говоря, зависит от нашего установления: если мы договариваемся, что некий языковой знак, скажем, слово, будет для нас выступать вместо такой-то вещи либо вместо другого языкового знака или их сочетания, мы тем самым определяем его значение. Знак, твердо связанный со своим означаемым благодаря нашему общему соглашению, становится осмысленным. Эта осмысленность может быть передана любому, кто знает об установленном значении знака. Таким образом, сам по себе, без нашего установления, знак совершенно пуст, так что все его содержание — плод нашего договора, то, что мы в него вложили.

Это древнее, как сама философия, представление не претерпело существенных изменений и в наше время. Даже если мы неспособны твердо и определенно установить значение языкового знака, даже если оно плывет в бесконечной игре взаимных отсылок и вариаций, тем не менее эта неопределенность устанавливается именно как недостижимость той

самой идеальной определенности¹. Если традиционно считалось, что содержание языкового знака можно твердо и ясно установить благодаря соглашению, то сейчас мы лишь питаем сомнение в действенности такого соглашения и в отчетливости достигаемого с его помощью значения языковых знаков. Тем самым произвольность установления значения языковых знаков, наша свобода в определении их содержания не только не ставятся под сомнение, но, напротив, выступают еще более рельефно.

Именно это представление — представление о произвольности установления содержания языковых знаков — и станет у нас предметом сомнения.

Действительно ли только соглашением — пусть и сколько угодно опосредованным традицией — устанавливается содержание языкового знака? И действительно ли мы в принципе вполне вольны давать знакам содержание, делая их тем самым языковыми знаками? Вот вопрос, на который пытается ответить эта книга.

Сомнение в произвольности осмысления слов не означает, что я предполагаю, будто сама природа знака предопределяет означаемое. Скорее можно сказать, что я призываю обратить внимание на ту область, что располагается между знаком и означаемым. Именно эта область оказывается областью их связывания, и именно она считается вполне подчиненной нашему свободному установлению, которое как бы одним махом способно соединить одно с другим. Связь между знаком и означаемым оказывается тогда в принципе *простой*, так что считают возможным схематично отобразить ее стрелкой или прямой линией. Суть предлагаемого здесь подхода — в том, что на месте этой простоты и произвольности (не устранимых, но только отодвигаемых в перспективу, пусть подчас и бесконечную, некоторыми современными семантическими теориями) мы увидим процесс: во-первых, сложный; во-вторых, закономерный, а значит, формально описываемый; в-третьих, предполагающий возможность своих разных реализаций; в четвертых, ответственный (по меньшей мере частично) за формирование значения.

Теоретические построения, созданные как реализация этого взгляда, названы «логикой смысла». Они не имеют отношения к тому, что имел в виду Ж. Делёз, использовавший это же словосочетание в названии своей книги. В принципиальном отличии предложенного здесь подхода от делёзовской позиции читатель будет иметь возможность убедиться. Название «Логика смысла» сложилось у меня самостоятельно, задолго

¹ В этом плане характерна критика Ж. Деррида в адрес Лакана, посчитавшего возможным такую определенность на каком-то шаге ввести [Деррида 1999, с. 675—677]. Если вместо *недостижимости* мы в духе Деконструкции признаем и *недостижимость*, от этого дело для нас принципиально не изменится, поскольку разговор о недостижимости абсолютной, «чистой» осмысленности не мог бы начаться без самого представления о возможности такого достижения, — а именно это представление мы и рассматриваем.

до того, как делёзовская книга могла повлиять на меня, поэтому я вправе считать его собственным. Сохранить это название было для меня принципиальным в силу того, что оно отражает суть высказанного мной взгляда, во-первых, на место категории «смысл» в метафизической картине мира и, во-вторых, на возможность упорядоченного, логического его схватывания. Но логика смысла вместе с тем отличается от многообразных систем формальных логик. Ведь те в конечном счете исходят из того, что форма может быть вполне отделена от содержания, и затем устанавливают закономерность для формы совершенно независимо от того содержания, которое ее наполнит. Они поэтому вынуждены считать чистой формой то, что на деле обладает содержанием (я имею в виду прежде всего связку, отрицание и противоположащую ему утвердительность), а значит, само может требовать своего снятия в следующей формализации. Именно от этой предпосылки освобождается логика смысла. Как это возможно — об этом речь впереди.

Во Введении мы рассмотрим соотношение между развиваемыми в этой книге взглядами и подходами к близким проблемам в современной философии, дав в конце его общую панораму понимания категории «смысл» и перспектив мышления, строящегося как ее разработка. В Главе I объектом нашего внимания станут феномены обыденного мышления классической арабской культуры. Метод контрастного понимания позволит ответить на вопрос, объяснимы ли рассматриваемые вербальные структуры в пределах допущений существующих теорий значения и какие теоретические положения должны быть приняты, чтобы восполнить недостаточность средств понимания, предоставляемых в наше распоряжение философией и лингвистикой. В Главе II положения логико-смысловой теории будут развиты далее на основе свидетельств теоретического, преимущественно философского, мышления. Глава III посвящена выяснению предельных интуиций, обосновывающих логико-смысловые закономерности. Кроме того, она излагает итожащий обзор рассуждений и приводит строгое доказательство правильности изложенной в книге теории. Более подробное представление о подразделах глав дают их названия. Заключение содержит общее изложение развитой в книге логико-смысловой теории. Предметный указатель составлен как своеобразный путеводитель по основной терминологии и проблематике книги, с тем расчетом, чтобы служить дополнительным источником для уяснения ее главных идей. Библиографический словарь содержит краткую справку по отдельным арабским мыслителям и малоизвестным школам и сектам, упомянутым в тексте; за более подробными разъяснениями по данному вопросу мне приходится рекомендовать читателю обратиться к специальной литературе.

Введение

Это Введение состоит из четырех частей. Я начну с того, почему написана эта книга. Затем скажу, о чем она написана, показав, что категория «смысл», как она употребляется в этой работе, полагается отличной от понимания, выработанного основными подходами, которые наметились в современной философии при обсуждении проблем, родственных занимающим нас здесь. Далее кратко покажу, как благодаря категории «смысл» предполагается решить вставшие перед нами задачи. И наконец, упомяну, какие новые перспективы открываются для философского мышления благодаря введению этой категории. *Эти почему, что, как и для чего* очерчивают логику введения и разработки категории «смысл».

I. Толчком к написанию этой книги послужило удивление, которое не раз посещало меня в процессе чтения арабских текстов классической эпохи, трактующих вопросы философии, филологии, вероучения и права. Сколь бы ни были сложны и непривычны понятия, используемые в этих текстах, в конечном счете я всегда мог надеяться рассеять свое непонимание чтением классических комментариев и терминологических словарей, современной исследовательской литературы, наконец, сравнением контекстов употребления тех или иных терминов или обсуждения тех или иных проблем у разных авторов. Что не могло быть преодолено таким образом, более того, совершенно не поддавалось расшифровке с помощью таких средств, так это *способ* обращения с этими понятиями. Казалось, содержание понятия уже вполне разъяснено употребляющими его авторами, комментаторами и лексикографами. Ясность эта, однако, оказывалась призрачной и зыбкой, когда нужно было понять, почему то или иное рассуждение или доказательство, будь они развернутыми или принявшими форму краткого тезиса, построены именно так, как они построены: из уже как будто выясненного содержания понятий и категорий, участвующих в разбираемой ученой речи, кажется, совсем не следовал ни сам способ ее построения, ни достигаемые выводы. Конечно, такие случаи непонимания вовсе не встречались на каждом шагу, сплошь и рядом. Скорее они представляли собой отдельные эпизоды; но в каждом из них разбираемый текст как будто говорил: мы мыслим по-разному, и ты не вполне меня понимаешь. Повторю, подобные случаи непонимания никак не устранялись разъяснением *содержания* использовавшихся понятий и категорий, содержания, от которого, как мы

обычно представляем, и зависит построение рассуждения и повороты аргументации. Каждый такой единичный случай мог быть проигнорирован или списан за счет каких-нибудь конкретных «странностей» текста. Зачастую непонятность могла быть устранена небольшим смысловым добавлением к тексту или, напротив, его усечением. Всем, кому когда-либо приходилось всерьез заниматься переводом, должна быть знакома и эйфория понимания подобных эпизодов, когда начинаешь «ясно видеть, что же автор хотел здесь сказать на самом деле», и оказываешься готов изложить все это «понятным читателю языком», и наступающее — иногда спустя значительный промежуток времени — обескураживающее отрезвление, когда обнаруживаешь, что «на самом деле» было придумано лишь объяснение *ad hoc*, прикрывающее прореху только в данном случае, но никак не годящееся в других и, хуже того, грубо искажившее столь удачно «разъясненный» текст.

Подобное отрезвление приходит только после того, как накапливающиеся по мере роста объема прочитанных текстов случаи непонимания начинают складываться в определенную систему, давать намек на целостную картину. Происходит своеобразная кристаллизация казавшихся прежде аморфными случаев псевдопонимания, весьма схожая с одноименным физическим процессом: в результате начинает вырисовываться вполне определенная структура, представлявшиеся случайными эпизоды образуют систему, в которой отдельные звенья оказываются взаимосвязанными и способными пролить свет на целостное строение. Тогда вдруг открывается истина, заключающаяся в том, что упорно сопротивлявшиеся нашему пониманию отрывки текста, этикие «шероховатости», которые столь многие умелые переводчики и редакторы заправски сглаживают, ссылаясь на невозможность сохранить «буквальный перевод», на приоритет «смысла» над «буквальным выражением» (как будто «смысл» может быть так удачно схвачен ими даже тогда, когда «буквальное выражение» остается непонятным или не вполне понятным), на право переводчика переосмыслить переводимый текст в понятиях своей культуры и своего времени и приводя массу схожих и всем известных аргументов, — что все эти шероховатости вовсе не были случайными, что они являются не результатом нашего незнания чего-то, о чем говорится в тексте и что может быть передано как «такое-то понятие» или «такое-то содержание», не результатом нашего косноязычия и неспособности изложить прочитанное внятными языком, но представляют собой следствие своеобразного «трения», которое испытывает наше мышление, соприкасаясь с иной смысловой материей и пытаясь пройти по ее поверхности и нащупать ее строение привычными, интуитивно применяемыми и как будто единственно возможными для него способами.

Речь, таким образом, идет не о трактовке отдельных элементов культуры, которые при всем их отличии от того, что мы встречаем в собственной, могут вызвать лишь профессиональную заинтересован-

ность культуролога или любопытство стороннего наблюдателя. Речь идет о глубинных основаниях, руководящих процедурой осмысления — той процедурой, в ходе которой *смысл* становится *ясным* для нас. Основания «шероховатостей», о которых идет речь, лежат глубже содержания каждого отдельного термина или категории, участвующих в непонятном для нас эпизоде текста. Как уже говорилось, эти случаи непонимания не рассеиваются знакомством с предоставляемым самой культурой и современной исследовательской мыслью корпусом разъяснений.

Не должны ли мы в этой ситуации сделать весьма несложный вывод и спросить себя: разве объяснение такого-то понятия или понятий, необходимых для понимания данного отрывка текста, объяснение, почерпнутое из самих исследуемых текстов, из комментариев и словарей, не должно было быть понято и *осмыслено* прежде, чем мы смогли включить его в процесс истолкования непонятого эпизода? Разве то «содержание понятий», которое мы ищем во всем доступном нам корпусе разъясняющей литературы, застраховано от «сбоев» в понимании, которые мы пытаемся устранить как раз с их помощью, наращивая объем нашего знания? В какой-то момент приходится задуматься над вопросом: может быть, дело не в объеме получаемого знания, а в чем-то ином? Может быть, поражение, которое мы терпим в попытке разъяснить для себя непонятные эпизоды текста через наращивание нашего знания вокруг текста, нашего «контекстуального знания», имеет ту причину, что черпаемое из контекста культуры знание о содержании интересующих нас понятий также представляет собой определенную «шероховатость» и потому не может помочь в разрешении нашей трудности?

В таком случае простое наращивание объема контекстуального знания ничего не даст, поскольку, если проблема заключена не в самом содержании понятий, а в способе обращения с ними, то приобретаемое ради разъяснения возникшей трудности знание будет столь же и в том же отношении неясным, как и вызвавший изначальную трудность отрывок текста. На этом этапе мы можем прийти к заключению, что дело не просто в содержании интересующих нас понятий и категорий, дело в том, *каким образом они приобретают свой смысл* в нашем сознании. Собственно, дело обстоит так, что содержание понятия, каким оно предстает для нас, не в последнюю очередь зависит от этого *способа* осмысления.

Можно ли преодолеть возникшую проблему, которая производит впечатление порочного круга? В самом деле, если мы *всегда* связаны некоторой определенной модальностью осмысления, неким определенным способом, благодаря которому в процессе нашего мышления понятия обнаруживают себя как имеющие смысл для нас, то как мы можем надеяться преодолеть это ограничение? Не будет ли всякая попытка его преодоления обречена на то, что и относительно нее будет выдвинуто то же сомнение в ее чистоте и независимости от присущего нам способа придавать смысл словам?